

Чу Цзюань, захмелев, закрыл глаза. Се Чэньлу бережно прижал его к себе, чтобы тот не упал с Древа Утун, и лишь тогда, уняв ярость, kloкотавшую в глубине души, с трудом выдавил из себя мягкий тон:

— Туаньцзы, будь послушным, возвращайся один.

Туаньцзы поспешно выбрался из объятий отца, и его тут же подхватил Бифан.

Се Чэньлу собственноручно принялся умывать и переодевать Чу Цзюаня. Тот, видимо, был пьян до беспамятства: даже пальцем пошевелить ленился, безвольно позволяя себя обслуживать. Однако стоило им подойти к купальне, как Чу Цзюань внезапно распахнул глаза, прикрыл грудь рукой и холодно бросил:

— Кто позволил тебе прикасаться к моим одеждам? Прочь!

Взгляд его был пугающе ледяным. Сердце Се Чэньлу болезненно сжалось. Оттолкнутый Чу Цзюанем, он пошатнулся и ударился о скалу так сильно, что на лбу мгновенно выступила кровь — даже Хуан И не удавалось нанести ему подобных ран.

Услышав, как Чу Цзюань величает себя «одиноким», Се Чэньлу почувствовал, как внутри всё обрывается. Не зная, сколько именно помнит Чу Цзюань, он попытался заговорить:

— Ваше Высочество, это я, Чэньлу.

Чу Цзюань, не понимая, насколько сильно опьянел, одной рукой прикрывал одежду, а другой упирался в каменную стену. При этих словах его взгляд стал ещё холоднее, а в позе сквозила настороженность.

— Врешь. Чэньлу никогда не заходил в мою опочивальню. Убирайся!

Ноги его подкосились, он начал медленно сползать по стене, тяжело дыша, словно нечто сдавило ему сердце. Задышавшись, он бормотал:

— Иди к Цинхэну, прочь, все прочь от меня...

Сердце Се Чэньлу разрывалось от боли. Забыв о собственной ране, он бросился поддержать Чу Цзюаня. Каждое слово того вонзалось в душу острее любого клинка, причиняя страдания, в тысячи раз сильнее физических.

— Ваше Высочество, послушайте...

Чу Цзюань, то ли пьяный, то ли в беспамятстве, закрыл уши руками. На его предплечье вздулись вены, он хрипло прошептал:

— Не хочу слушать.

В пьяном бреду нет логики, зато проявляется истинная суть. Се Чэньлу взял с полки плащ, чтобы подложить под него, и принялся уговаривать:

— Хорошо-хорошо, не слушайте, я замолчу.

Видя, что тот всё равно не унимается, Чу Цзюань насмешливо бросил:

— Все равно ты лишь лжешь мне.

Се Чэньлу склонился и поцеловал его в центр лба, вкрадчиво убеждая:

— Ваше Высочество, я клянусь, больше никогда не буду вас обманывать.

Чу Цзюань выставил ладонь, преграждая путь, и упрямо нахмурился:

— Я сказал, не трогай меня.

— Хорошо, не буду, не буду, — Се Чэньлу лишь покорно соглашался. С трудом усадив его в воду, он наконец смог перевести дух. Говорят, пьяный всегда режет правду-матку, поэтому Се Чэньлу уложил голову Чу Цзюаня себе на колени, откинул мокрые пряди с лица и начал выпытывать:

— Ваше Высочество, почему вчера та птица была так близко к вам?

Чу Цзюань нахмурился и ответил:

— Мы просто приятно беседовали.

Дыхание Се Чэньлу на миг перехватило:

— Вы были слишком близки.

— Почему?

— ...Мне это не по душе.

Не по душе? Да он был в ярости! Когда он штурмовал Дворец Вэй, чтобы отбить тело Его Высочества, когда спустя сотни лет узнал о помолвке, его едва не погубила ревность.

— Кажется, я видел тебя во сне, — произнес Чу Цзюань. Се Чэньлу замер, а мгновение спустя раздался глухой, уязвленный голос:

— Как вы могли видеть во сне кого-то другого, Ваше Высочество?

Чу Цзюань медленно открыл глаза. В них больше не было той сонной лени, присущей ему в беспамятстве. Он нахмурился и серьезно спросил:

— Се Чэньлу, почему ты такой ревнивый?

— Я ревную только к вам. Ваше Высочество, разве вы не ревнуете меня? — Се Чэньлу смотрел прямо ему в глаза, пытаясь найти хоть крошечное доказательство ревности.

— Нет, — пьяный Чу Цзюань покачал головой, даже не подозревая, что его слова ранят собеседника в самое сердце.

— Почему? — голос Се Чэньлу дрогнул. Он сходил с ума от ревности, видя Чу Цзюаня с другими, а тому, казалось, было совершенно всё равно.

— Ты сам просил не ревновать, — ответил Чу Цзюань безразлично. В тот момент, когда он почти погрузился в воду, он внезапно снова открыл глаза. В его глазах, подернутых влагой, сквозила серьезная ирония: — Да разве ты достоин того, чтобы я тебя ревновал?

В ту секунду, когда он ушел под воду, Се Чэньлу обнял его со спины.

— Ваше Высочество...

Он хотел что-то сказать, но не мог произнести ни слова. Казалось, только во сне Чу Цзюань мог позволить себе оттолкнуть его. Се Чэньлу прижался щекой к его щеке и прошептал: «Ваше Высочество», — в этом голосе слышались нежность, тоска и сдержанная мука.

\*\*\*

Чу Цзюань проснулся, когда солнце уже высоко поднялось. Свет был слишком ярким, и он, едва нахмурившись, велел задернуть шторы. В комнате снова воцарилась тьма, и он провалился в глубокий сон.

Голова болела от похмелья. Прохладные пальцы Се Чэньлу массировали его виски с идеальным нажимом.

— Ваше Высочество, — прошептал он на ухо, — давайте впредь не будем видеться с ним, хорошо?

О ком шла речь, оба прекрасно понимали: с тех пор как Чу Цзюань очнулся, Се Чэньлу не подпускал к нему никого.

Чу Цзюань, ещё не до конца проснувшись, промычал нечто невнятное и приоткрыл глаза, немим вопросом требуя объяснений.

— Потому что я буду ревновать, — ответил Се Чэньлу. Ревновать — это слабо сказано, он сгорал от зависти. Он не мог участвовать в той беззаботной жизни Феникса Чу Цзюаня, он упустил лучшие годы своей любви.

Тогда он был полон энергии, юношеского задора, а его глаза ни на миг не задерживались на Се Чэньлу.

Чу Цзюань приложил ладонь ко лбу и небрежно заметил:

— Мы с Хуан И просто хорошие друзья.

Всего четыре слова, но они преследовали его триста лет. Когда он сам спрашивал Чу Цзюаня об отношениях с Цинхэном, тот ответил точно так же.

Чу Цзюань поднял голову, вспоминая что-то:

— К тому же, Чэньлу, ты сам говорил, что нужно быть великодушным.

Три сотни лет назад Се Чэньлу просил его о великодушии, а теперь, когда Чу Цзюань вернул ему эти слова, лицо Се Чэньлу исказилось от боли, словно он был готов умереть на месте.

Чу Цзюань очень хотел коснуться его глаз, чтобы проверить, действительно ли он плачет. Мог ли этот холодный человек пролить слезы? Се Чэньлу первым перехватил его руку и прижал к своей щеке, прохрипев:

— Ваше Высочество, я лишь простой смертный, я не умею быть великодушным, я умею только ревновать.

Может, он ждал жалости? Но когда Чу Цзюань коснулся его влажных глаз, в голове мелькнула лишь одна мысль: значит, Се Чэньлу тоже умеет чувствовать боль. Значит, он тоже может быть убит горем.

\*\*\*

В последние дни погода в Уу была на редкость ясной. В полдень Се Чэньлу ушел обсуждать дела с несколькими старейшинами клана Феникса, оставив Туаньцзы присматривать за Чу Цзюанем, чтобы тот не скучал.

Чу Цзюань был ленив, и, вернувшись к жизни, он предпочитал делать только то, что ему удобно — Се Чэньлу всё равно потакал всем его прихотям.

Туаньцзы был одет в лазурный халат. Он сидел на корточках у окна, с завистью наблюдая за происходящим снаружи. Его белый хвост то радостно вилял, то жалобно шлепал по полу.

Чу Цзюань отложил книгу и взъерошил его волосы, погладив белые рожки:

— Что случилось?

Туаньцзы покачал головой, вцепившись коготками в оконную раму, и выглядел совсем поникшим.

Чу Цзюань выглянул наружу. В небе кружили бесчисленные птицы. Огромная лазурная птица вела за собой птенцов, только что научившихся летать, прорезая мягкие облака. Разноцветные птицы взмывали ввысь, и от этого зрелища захватывало дух.

Туаньцзы смотрел на них с нескрываемой тоской.

Чу Цзюань закрыл книгу и взял Туаньцзы за хвост:

— Туаньцзы, хочешь полетать?

\*\*\*

Се Чэньлу пил чай, споря с горсткой стариков, когда в комнату ворвался Бифан, едва не рухнув на колени:

— Ваше Высочество, Его Высочество улетел!

«Его Высочество» — конечно, Туаньцзы, ведь на Девяти Небесах был только один принц.

Лицо Се Чэньлу окаменело, чашка в его руке едва не разлетелась вдребезги.

Драконов после рождения обучали родители. Туаньцзы родился недоношенным и был слабее других. Последние сотни лет Се Чэньлу только и делал, что искал способ воскресить Чу Цзюаня, и, глядя на Туаньцзы, невольно вспоминал о нем, поэтому старался избегать ребенка, чтобышний раз не берeditь раны.

Первый полет дракона всегда проходил под присмотром родителей. Когда Туаньцзы впервые попытался обернуться драконом, чтобы найти лекарство для отца, он упал с крыши и сильно ударился головой. С тех пор он до смерти боялся высоты.

Се Чэньлу до сих пор помнил, как Туаньцзы лежал на гробу Чу Цзюаня, прижимая ладошки к ушибленному лбу, и плакал, спрашивая, почему у всех остальных детей есть родители, которые учат их летать, а у него нет. Почему другие родители всегда подхватывают своих детей, а его отец лежит неподвижно и не может ни взять его с собой в полет, ни пожалеть?

От этих воспоминаний рука Се Чэньлу сжалась в кулак. Он погубил Его Высочество и оставил Туаньцзы сиротой.

А что, если это кто-то из клана птиц забрал его...

Се Чэньлу с убийственным взглядом распахнул дверь, но тут же замер. У окна на плетеном кресле полулежал Чу Цзюань, греясь на солнце. Теплые лучи падали на его белые одежды, подчеркивая благородные черты лица.

На его голове красовался один белый драконий рог, а там, где должен был быть второй, зияла огромная рана.

Белый дракон завис у окна, коснулся своим рогом лба Чу Цзюаня и озадаченно спросил:

— Папа, почему у тебя не хватает одного рога?

Ведь он, ребенок, имел два рога, значит, и у папы должно быть так же.

Юноша в белом коснулся своего сломанного рога и, кажется, улыбнулся — то ли себе, то ли кому-то другому:

— Да, почему же не хватает одного рога?

Длинные пальцы погладили рожки Туаньцзы — белые, как зимний снег. Малыш поспешно потерся о его ладонь. Чу Цзюань сидел к Се Чэньлу спиной, но Туаньцзы увидел вошедшего и послушно прижался к отцу:

— Отец, а где у папы рог?

Услышав голос Туаньцзы, Чу Цзюань обернулся и, словно отвечая на любопытство ребенка, улыбнулся:

— Ах, Чэньлу, а где же мой рог?

Он улыбался так нежно и тепло, словно спрашивал о чем-то пустяковом, но сердце Се Чэньлу в ту же секунду разлетелось на куски.

Солнечный свет больше не дарил тепла, он казался ледяным.

Туаньцзы и Чу Цзюань смотрели на него. Два дракона в лучах солнца, и лишь один — погруженный в тьму. Се Чэньлу подошел и опустил на колени у ног Чу Цзюаня. Его рука, потянувшаяся к шраму, внезапно замерла:

— Рог Вашего Высочества...

Голос его звучал надтреснуто. Наконец он выдавил:

— Во время битвы с Кланом Демонов, случайный удар Повелителя Демонов... из-за этого вы и пробьете в коже сотню лет.

— Вот как? — Чу Цзюань смотрел на него с полуулыбкой, казалось, совершенно безразлично.

— Чэньлу, почему твои ладони холодные и влажные от пота?

Се Чэньлу схватил ладонь Чу Цзюаня и прижал к своей щеке:

— Потому что, стоит мне вспомнить ту сцену, сердце разрывается от боли. Если бы я тогда...

Если бы он раньше понял свои чувства, разве всё пришло бы к такому финалу?

Туаньцзы, прижавшись к ним, первым делом спросил:

— Папа, без рога ты больше никогда не сможешь летать?

Небо такое свободное, такое бескрайнее... Как же грустно, если папа не сможет летать вместе с ним.

— Да, — Чу Цзюань сжал его лапку, и в его голосе, несмотря на спокойствие, сквозила необъяснимая тоска. — Папа больше никогда не сможет летать.

Се Чэньлу, сжимая руку Чу Цзюаня, не мог сдержать дрожи.

Оказывается, чтобы скрыть одну ложь, нужно придумать тысячи других. И теперь он вынужден лгать, пока однажды всё не рухнет. Он боялся этого момента, но в то же время жаждал продлить это призрачное счастье.

Чу Цзюань снова видел сны, но на этот раз — кошмары. В его сне сияли звезды, июньская ночь, светлячки мелькали в траве у ручья, а в тишине леса слышался треск горящих веток.

Раздвинув кусты, можно было увидеть костер, на котором жарился окунь, аромат мяса, пропитанного огнем Феникса, разносился повсюду, а вдалеке журчал ручей.

Юноша в белом распахнул одежды, обнажив стройную спину, на которой выделялся глубокий шрам, уходящий в лопатку. Феникс опустился на колени рядом с ним, нанося лекарство. Лунный свет падал на их лица, и эта картина была прекраснее любого полотна.

— Опять полез в логово Таоте? Если бы я не пришел вовремя, остался бы ты с хвостом? — Феникс нажал чуть сильнее, и, услышав стон Чу Цзюаня, невольно смягчил движения. — Чтоб тебя, лишь бы не сдох от боли.

<http://bllate.org/book/18619/1792533>